

18+

Владимир Егоров

МОЙ XX ВЕК

Как это было

Владимир Егоров

Мой XX век. Как это было

«Издательские решения»

Егоров В. Н.

Мой XX век. Как это было / В. Н. Егоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553310-4

В этой книге Егоров Владимир Николаевич рассказывает о своих предках, чьи истории начинаются в дореволюционной России, а также о родителях, родственниках и своем детстве, проведенном в СССР и Северной Корее в послевоенное время.

ISBN 978-5-00-553310-4

© Егоров В. Н.
© Издательские решения

Содержание

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. КАК ЭТО БЫЛО	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мой XX век Как это было

Владимир Николаевич Егоров

Корректор Михаил Владимирович Егоров

© Владимир Николаевич Егоров, 2021

ISBN 978-5-0055-3310-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. КАК ЭТО БЫЛО

Глава 1

В этой книге я попробую написать обо всём, что точно знаю про своих родителей и других родственников, изложить факты, в достоверности которых уверен. То, в чём сомневаюсь или помню смутно, излагать здесь не буду.

Прадеда по отцовской линии звали Егором. Это всё, что я о нём знаю. От него при очередной переписи населения и пошла наша фамилия. До этого крестьяне имели только имена, которые им давали при крещении. Кроме православного имени, человек часто имел кличку, на которую всю жизнь и откликался. Это было ещё в допотопные времена, после отмены крепостного права в шестидесятых годах девятнадцатого века.

Жил Егор, как и все мои предки по отцовской линии, в Бежецком уезде Новгородской губернии. Иногда это место в России называют Валдай. Находится оно между Великим Новгородом и Тверью – в общем, очень недалеко от Москвы. Славились эти места красивыми бабами, работающими мужиками и хорошей охотой. Деревня Никифорцево, где жил сперва Егор, потом мой дед и где родился мой отец, находится в болотистых лесах, в 60-ти километрах от истоков Волги. Вокруг очень известные в русской истории древние города: Торжок, Холм, Великие Луки, Старая Руса. Сейчас это место административно отошло к Тверской области (бывшая Калининская).

Дед мой по отцу Алексей Егорович Егоров родился 1889 году. Жена его (моя бабка) Мария Васильевна (девичья фамилия Фролова) была на год моложе его. Жили они в той же деревне Никифорцево. Дед мой за всю жизнь дальше уездного Бежецка не выезжал. Кроме одного исключительного случая. Об этом чуть позже. Было у них шестеро детей. Два сына – мой отец, его младший брат Александр – и четыре дочери: Груня, Фрося, Нина и Валя. Отец был третьим ребёнком, за ним Александр, Нина и Валя. Все шестеро детей моей бабки выжили, ни один не умер, что по тем временам было большой редкостью.

Дед считался крепким мужиком в деревне. У него у первого в деревне в 1929 году появилась керосиновая лампа (не электрическая, а именно керосиновая!). До этого по вечерам жили при лучине. Свечей не было – слишком дорого. Жили все в большой избе, в которой посередине стояла русская печь, чуть ли не на пол-избы. Топилась она круглый год без перерыва. В ней готовили еду, грели воду, на ней же спали, когда холодно. В этой же печи было специальное отделение для мытья. Залезали внутрь с лоханью воды и мылись.

Дед Алексей, как и все почти мужики в тех местах, был очень порядочный мужчина. Всю жизнь работал без отдыха, был на все руки мастер. Не курил, матом при жене и детях ругаться не смел. Сам был малограмотный, но понимал, что детям надо дать образование и делал для этого всё, что было в его силах. Выпивал мало и только по праздникам. Вообще, бытующее мнение о повальном пьянстве среди русского крестьянства, как говорил мне отец, абсолютно неверно. Выпивали только в праздники. В остальное время надо было работать от зари до зари. Станешь пить – семья умрёт от голода. Жизнь была очень тяжёлая.

Дед от снега до снега в любую погоду ходил босиком. Экономил на сапогах. Лаптей не признавал. Босиком же ходил на охоту. А охотиться надо было: детей много, кормить их надо хорошо. К счастью, дичи вокруг в лесах и болотах было достаточно. Это выручало.

За такой босоногий образ жизни дед Алексей однажды чуть не поплатился жизнью: в лесу наступил на большую гадюку, и она его укусила за икру. До деревни было далеко, до больницы ещё дальше. Помочь некому. Дед поставил ногу в ручей, разрезал рану ножом глубоко и долго выдавливал из раны кровь вместе с ядом. В воде кровь из раны не сворачивается. Так спасся.

Перед войной, в тридцатые годы, к деду в гости в деревню почти каждый год приезжал знаменитый советский полярник, начальник Северного Морского Пути, герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин. Дед ходил с ним на охоту и очень гордился дружбой с ним.

Где-то в 1930 году большевики под видом борьбы с сельской буржуазией начали уничтожать так называемых «кулаков», то есть зажиточных крестьян. Однажды пришла к деду во двор так называемая «тройка» – комиссия по раскулачиванию крестьян. Состояла она из председателя райисполкома, представителя райкома партии и работника НКВД. Предварительно извинившись и потупив глазки, сообщили деду примерно так:

– Ты уж извини, Алексей Егорович, но тут такое дело: от родной партии большевиков пришло распоряжение бороться с элементами буржуазии в деревне. Велено раскулачить двух кулаков в вашей деревне. А поскольку ты, Егоров, самый работающий и крепкий мужик на селе, то, ты уж извини, будем изымать у тебя излишки, и пойдёшь ты в тюрьму как враг Советской власти.

Так дед впервые узнал, что он, оказывается, буржуй, да ещё и враг народа. До этого дня он по простоте своей думал, что народ состоит из таких, как он, крестьян. Дед, видимо, обладал определённым чувством юмора: он кликнул своих детей и велел им построиться строем шеренги. В строй встали Фрося, Николай (мой отец, 11 лет), Александр, Нина и Валя. Груни не было, потому, что она уже вышла замуж. Дед показал представителям власти на испуганный строй детишек и говорит:

– Вот мои излишки! Забирайте любого!

Отец мне говорил, что в тот момент он очень испугался. Подумал, что его действительно заберут куда-то. Но до этого пока не дошло.

«Тройка» посчитала количество коров и лошадей, прибавила сюда куриц с петухами, полученную сумму поделили в уме на количество едоков. И получилось, что никаких излишков нет. Но надо было что-то делать. Задание Партии необходимо выполнить! Выход нашёлся: забрали из дома фамильный медный тульский самовар, а из амбара выкатили запасное колесо от телеги. Деда посадили на сани и отвезли в тюрьму.

По этому поводу в течение многих лет мне хотелось сказать Советской власти: «Слушайте, родные! Я уже не спрашиваю, куда вы дели моего деда. Даже бог с ней, с запаской для телеги! Но верните хотя бы фамильный самовар!». Хотелось так сказать, но я сдерживался.

Однако закончилось всё не так плохо. Через несколько месяцев дед Алексей неожиданно вернулся в деревню. Зашёл в хату весь злой, грязный, с чёрной бородой, заросший и оборванный. И тут мой папа первый раз в жизни услышал, как его отец ругается матом. Не знаю, в чём была причина. Не допускаю, что это было сказано в адрес Вождя всех народов, Великого Сталина.

Деду повезло. Как раз в это время И. Сталин опубликовал в «Правде» свою статью «О перегибах в деревне». И деда выпустили. Но в покое не оставили.

Не успел дед отмыться в русской печке и немного отъесть на домашних харчах, как приезжает в деревню тот же председатель райисполкома с представителем Партии и собирает всех жителей деревни на собрание. Объявляет крестьянам, что до сих пор они жили неправильно. Веками пахали землю в одиночку, скотину пасли по лугам как попало. Надо исправлять положение: создавать в вашей деревне мощный колхоз, скотину всю сдавать в общий коровник, а землю пахать всем вместе. Выращенную таким образом картошку надо будет отдавать государству. А сами крестьяне за такой ударный труд будут получать трудодни. А кто плохо будет работать – ничего не получит.

Надо было избрать председателя колхоза. Райисполкомовский лидер опять потупил глазки и произнес, что, мол, вот тут на днях очень удачно Алексей Егоров вернулся с лесоповала, как раз вовремя. А он как есть самый крепкий и работающий мужик, потому райисполком и райком Партии горячо рекомендует выбрать его председателем колхоза. Кто за кол-

хоз и за нового председателя – прошу, мол, поднять правую руку. Все дружно подняли руки. Попробуй, не подними! Дед тоже без ложной скромности согласился быть председателем. Я думаю, он здраво рассудил, что лучше руководить крестьянами в родной деревне, чем возвращаться на лесоповал в Вологду.

Дед стал руководить колхозом и, хотя он едва умел читать и писать, говорят, что у него это получалось совсем неплохо. Был председателем 18 лет, до 47-го года.

Во время войны в конце 41-го года немцы подошли к самой Москве, заняли Тверь, что восточнее деревни Никифорцево. Фактически дед со своим колхозом оказался в тылу врага. Но в тех местах сплошной линии фронта не было, потому что вокруг леса, озёра и болота непроходимые. В деревню немцы тоже не зашли. У них просто сил и людей не хватало, чтобы держать всю местность под контролем. Дед Алексей не поддался панике. Два его сына и дочка Нина были неизвестно где на войне, а дед с оставшимися в деревне людьми, в основном стариками и женщинами, продолжал выполнять государственный план поставок мяса, сала, кожи и прочего пшена. Периодически снаряжал лошадиный обоз и тайными тропами по лесам и болотам вывозил продукцию в распоряжение наших войсковых частей, сдавал товар первому встречному интенданту. И не забывал брать расписки о том, что груз сдан для питания советских воинов. Это ему через год здорово пригодилось. Когда немцев немного отогнали от Москвы и линия фронта переместилась на запад, в деревню прибыл суровый особист с солдатами и стал допрашивать крестьян, чем же они занимались в условиях вражеской оккупации. А не сотрудничали ли вы с проклятыми фашистами? Дед предъявил ему пачку накладных с печатями воинских частей – и от него отстали.

По большому счёту, дед Алексей был настоящим героем. На таких мужчинах держится русская земля. Но им в нашей стране орденов не дают и памятники не ставят. Да ему этого и не надо было. Спасибо, что в тюрьму второй раз не отвезли на санях.

Дед все эти годы и до самой смерти вкалывал на колхоз (считай, это был рабский труд на государство), а по ночам работал по своему хозяйству. Плёл на продажу для дополнительного заработка изумительной красоты корзины и лукошки из ивовых прутьев. Надо было детей кормить. Спал по 2 – 3 часа в сутки, иногда прямо на полу на охапке ивовых прутьев, когда уже сон валил с ног. Дед положил своё здоровье и саму жизнь, чтобы выжили дети. Воспитывать детей ему, вроде, было некогда, но все дети выросли очень порядочными и стойкими людьми. Отец мой всегда говорил о деде с большим уважением и с оттенком удивления и восхищения.

Ещё знаю о деде, что один глаз у него был повреждён и совсем не видел. В молодости ему повредили глаз в кулачной драке. Но это ему не мешало, он никогда об этом не вспоминал и вроде даже не замечал. До революции существовал такой народный вид спорта – кулачные бои. В уездных городах в один из праздничных дней на Масленицу собирались желающие и соревновались, кто лучше дерётся на кулачках. Бои происходили при большом стечении народа, под присмотром полиции, как правило, на льду замёрзшего озера или реки. Дрались в рукавицах. Дед тоже принимал участие в соревнованиях. Это было в Бежецке. Мужик, с которым он дрался, нарушил спортивную этику и тайком вложил в свою варежку какую-то железку для веса. И этой железкой повредил деду глаз. Глаз остался целым, но перестал видеть.

Дед был человек горячий и любил справедливость. На следующий год, уже только с одним зрячим глазом, он опять поехал на кулачные бои. Взять, так сказать, реванш. Вызвал на бой того же мужика. И, видимо, по той же горячности так приложил ему, что мужик мелькнул пятками и грохнулся на лёд без признаков жизни. Пока полиция и зрители пытались выяснить, жив ли мужик, приятели деда, которые приехали поболеть за него (так сказать, его личные спортивные фанаты), быстренько запихнули деда в сани и на предельной скорости умчались из Бежецка лесами в родную деревню. Дед очень испугался. За такое дело запросто можно было попасть в Сибирь. По этой причине дед Алексей не выезжал из деревни до самой революции. Очень боялся попасть в тюрьму. Но, как показала жизнь, и революция не спасла от тюрьмы.

По характеру, как я уже сказал, он был горячий человек. Моя мать во время войны жила с ними в деревне несколько месяцев и вспоминала, что дед здорово гонял своих колхозников, когда те делали что-нибудь не так или ленились. На всю деревню слышно было. Среди дня иногда прибегал домой весь взъерошенный, жадно пил из ковшика квас, жаловался быстро на мужиков, хватал шапку и со словами «Ну, мать, пошёл!» опять бежал на работу. Но дома был сдержанным, никогда голос не повышал.

Ещё одна запомнившаяся деталь: в тех местах земля – песок да торф, камня нигде нет. Однажды, ещё до войны, дед нашёл в лесу огромный валун. Как он туда попал, никто не знал. Я думаю, что этот камень был занесён туда ещё в ледниковый период с севера продвигавшимся на юг ледником. Это так называемые морены – явление, известное науке. Так вот, дед собрал мужиков, взяли большую крепкую телегу для перевозки брёвен и несколько лошадей и привезли этот камень в деревню. Поставили его на улице. С тех пор у этого камня мужики по утрам собирались на работу, сидели на нём, курили и разговаривали «за жизнь». На этом же камне отбивали косы.

Деревни уже практически нет. Несколько домов пустых стоят. После войны мужиков почти не осталось, почти всех поубивали. А кто в живых остался – многие остались служить в армии, некоторые в городах осели. Деревня так и не восстановилась. Колхоз «укрупнили». То есть, объединили несколько таких же угасающих деревень в один колхоз и назначили другого председателя, грамотного. Но и это не помогло. Сейчас деревню Никифорцево даже не на всякой карте найдёшь. А камень, уверен, там так и стоит, как памятник, куда ему деваться.

Умер дед сравнительно рано, в 1952 году. Было ему 62 года. Зимой он заболел и поехал в Бежецк в больницу. Врач определил у него двухстороннее воспаление лёгких и пытался оставить его в больнице. Но дед наотрез отказался: хозяйство ведь не бросишь! Поехал назад ночью на попутной машине в кузове. Вышел на дороге и несколько километров шёл напрямки в деревню полем, по глубокому снегу. Пришёл домой, сказал жене: «Мать, я полежу немного. Что-то я устал от всего этого». Впервые в жизни полежал и через несколько дней умер.

За всю жизнь, насколько я знаю, он два раза сфотографировался. Первый раз с отцом, когда тот был во время войны в отпуске по лечению. Второй раз уже во время похорон в гробу. Отец ездил на похороны и сфотографировал. Сам я деда никогда не видел.

Мой дед Алексей с моим отцом, который приехал в деревню после ранения. Зима 1943 года

Бабку свою по отцу, Марию, я видел один раз в 1965 году в Нарве, когда она приехала из своей деревни к дочери Нине. Мы тогда с отцом отдыхали летом в Зеленогорске под Ленинградом. Отец узнал, что бабушка у Нины, взял такси, посадил нас с братом Лёвой в машину, и мы за несколько часов приехали в Нарву. По-моему, это был первый раз, когда бабка покинула деревню. Было ей тогда 75 лет. Я её отлично помню: прямая такая, худая старуха. Тонкие черты лица, взгляд ясный. Весёлая, голова работает быстро. Лишнего не говорит, каждое слово в строку. Как увидела меня, сразу сказала, что я очень похож на её младшего сына Александра, погибшего на войне. Даже голос такой же. Помню, очень смеялась, когда рассказывала

отцу, как она здесь впервые в жизни увидела телевизор. А там как раз показывали балет. Говорила, что, как увидела голых баб с мужиками и как они пляшут под музыку и хватают друг друга за разные места, то чуть не умерла от такого срама. А потом от смеха чуть ей не стало плохо. При этом бабка, когда смеялась, то прикрывала рот рукой потому, что у неё не доставало в тому времени одного зуба, и она этого стеснялась. Ничем она никогда не болела и ни на что не жаловалась. Даже когда сын погиб и муж умер, приняла это молча, как обычное в жизни дело. Умерла она в 1970 году в возрасте 80 лет. Отец говорил, что она могла бы жить ещё долго, но в деревне никого из родных не осталось, дети все разъехались. Жить стало не для кого. А в город к Нине она приезжала несколько раз и пыталась остаться, но не смогла тут жить. В квартире нечем заняться. Скучала по деревне. То есть осталась не у дел и померла. А её сестра, между прочим, прожила 94 года и до последних дней работала дояркой на ферме, ничем не болела, только в старости плохо слышала.

Бабушка Мария с дочерьми: слева Нина, справа младшая из детей Валя, 1940 год

Бабушка Мария с дочкой Ниной и внучками, 1960-е годы

Младший брат моего отца, Александр, погиб на фронте в 1942 году. Точнее, пропал без вести. Он хорошо говорил по-немецки. Свободно читал и даже писал на немецком языке стихи, что удивительно. Учился он в 8-летней школе и сперва с помощью учителя, а потом самостоятельно в совершенстве овладел языком. Я думаю, что почти наверняка он попал во фронтовую разведку. Такие люди там были на вес золота. Тем более, что физически он был очень сильный и выносливый. Да ещё и охотник. Предполагаю, что погиб он за линией фронта. Хотя наверняка я этого не знаю. Было ему 22 года. Жениться он не успел.

Надо сказать, что все более-менее грамотные мужики из этой деревни, кто не погиб на фронте, стали во время войны и после неё кадровыми военными в званиях до генералов. Мой отец, например, был полковником, офицером Генштаба. Служил одно время военным советником в Северной Корее у Ким Ир Сена, потом в Венгрии. Я об этом напишу, когда дойду до этого.

Последний раз отец видел своего брата в 1942 году на какой-то железнодорожной станции, когда их эшелоном перевозили с Северо-Западного фронта на Донской. Случайно встретились на рельсовых путях. Александр бежал с котелком воды в свой вагон, его поезд уже отходил. Обнялись, перекинулись несколькими словами – и бегом каждый в свой эшелон. Разъехались в разные стороны навсегда.

Старшая сестра отца, Груня, жила до старости в той же деревне. Она была старше отца лет на 10 – 11 и, когда мой отец был ребенком, присматривала за ним и маленьким Сашей. Отец Груню очень любил и часто её вспоминал. Груня в молодости была красивая, характер у неё был добродушный, спокойный. Мужикам она очень нравилась. Замуж выходила 4 раза, от всех мужей у неё были дети. Первый муж погиб ещё до войны. Пошёл в бурную ночь на лодке по озеру снимать сети и не вернулся. То было озеро Верестово, в километре от деревни. Нашли его на следующий день утонувшим. Уже после войны один дедуля из этой же деревни перед смертью позвал Груню к себе и рассказал, что в ту ночь видел, как её мужа убил их односельчанин, молодой мужик, который в своё время сватался к Груне, но она ему отказала. Убил из ревности. Подошёл на своей лодке, когда тот выбирал сеть, и ударил по голове веслом. А дедуля этот много лет молчал, боялся сказать, но и умирать с этой тайной тоже побоялся. Перед смертью рассказал и просил прощения, что не признался тогда. А тот жених-неудачник с началом войны пошёл на фронт и не вернулся.

Груня перед войной вышла замуж второй раз за какого-то парня. Второй муж в 41-м году пошёл на фронт и тоже погиб.

Потом к ней посватался один мужик из соседней деревни неподалёку, пришедший с фронта домой после ранения в отпуск долечиваться. Поженились. Он опять пошёл на войну после выздоровления и погиб.

В четвёртый раз она вышла замуж после войны, за фронтовика из ихней деревни. Отец его знал. Говорил, что отличный был мужик, здоровый, красивый, мастеровой, плотник. После войны много домов новых строили по деревням. Он с подручным договаривались с заказчиком о стоимости и строили дома от фундамента и до конца. Но во время войны на фронте и в колхозе мужики научились пить водку, и ни один день уже без этого не обходился.

Один раз вернулся он домой из какой-то деревни с очередной стройки без денег. Всё пропил с мужиками. Стал жаловаться Груне, что не знает как быть, не может остановиться. Всё пропил, перед женой стыдно. Груня стала его жалеть и успокаивать. Накрыла на стол и вышла затопить баню, чтобы его помыть, попарить веником и таким образом привести в порядок. Это была её ошибка. Надо было его поругать и тогда бы, может, ничего не случилось. Пока её в доме не было, мужик повесился. Не выдержал такого позора.

Старшая сестра отца Груня, 67 лет

Больше Груня замуж не выходила. Когда ей было уже 70 с лишним лет, в деревне родных почти не осталось, дети разъехались. Груня продала свой дом и поехала к старшему сыну в Муром, это Владимирская область. Там на окраине города сын купил ей за те же деньги деревенский дом, вместе с внуком они починили крышу, заборы. Груня, как она привыкла всю жизнь, завела опять корову, посадила огород и, уже в который раз, начала новую жизнь. Удивительно стойкие люди! Сколько она ещё прожила и когда умерла – не знаю.

Двух других сестёр, Фросю и Валю, знаю только по фотографиям. А вот младшую сестру отца, Нину, я знал довольно хорошо. Первый раз я её видел в 65-м году в Нарве. Ей тогда было 40 лет. Совсем выглядела молодой и красивой. Она всю жизнь, начиная с войны, работала в военных госпиталях медсестрой. Насмотрелась, конечно, на раненых и больных, особенно во время войны. И может быть поэтому она ко всем мужикам относилась как к детям, с какой-то жалостью. Никогда на мужчин не обижалась, всё им прощала. И я заметил, что все мужики

в её присутствии становились какими-то смирными, спокойными и не хотели от неё далеко отходить.

Когда Нине было 62 года, она приехала к нам в Адлер отдохнуть в военном санатории. Отец позвонил мне из Краснодара, попросил встретить Нину в аэропорту и помочь устроиться в санатории. Своей машины у меня не было. Но я работал в то время в Адлерском райкоме партии (курировал предприятия строительные, промышленные и транспорта). Я позвонил директору кондитерской фабрики (была такая в Адлере) Валере Крайнему, он прислал мне свою «Волгу» с водителем. Водителем был молодой, лет сорока, красивый грек по имени Жора. Мы с Жорой встретили Нину в аэропорту и повезли в санаторий.

Жора, как увидел Нину в аэропорту, так сразу стал ходить вокруг неё кругами, схватил её чемодан, открыл дверь машины. Пока ехали до санатория, у него голова, похоже, автоматически все время поворачивалась в сторону заднего сиденья, где сидели мы с Ниной. Я сначала хотел сказать Жоре, чтобы он смотрел на дорогу, но сдержался. А Нине это было привычно. Она только дружески слегка улыбалась водителю и спокойно со мной беседовала. Заехали на территорию санатория. Я хотел выйти с Ниной. Но Жора нервно попросил меня посидеть в машине. Решительно сказал, что сам лично отнесёт вещи и поможет Нине оформиться в регистратуре. Я не стал возражать. Через какое-то время Жора возвратился и мы поехали в райком. Жора сидел за рулём грустный и иногда вздыхал. Потом не выдержал и говорит:

– Владимир Николаевич! Вот это тётушка у вас! Вот это женщина!

Я засмеялся:

– Жора, ты что, с ума сошёл? Она лет на двадцать старше тебя. Нине уже шестьдесят два года.

Жора сначала не поверил. Потом покачал головой и выдохнул:

– Нет, всё равно...

Когда я позвонил отцу и рассказал об этом случае, он смеялся и говорил: «Да, тверские женщины – они такие! Страшная сила».

В 1984 году мой отец умер в Ростовском военном госпитале. Я полтора месяца до его смерти находился там же, с ним в госпитале. Нина в это время приехала в Краснодар и жила с моей мамой, ждала, чем это кончится. Когда я позвонил и сказал, что отец умер, она в ту же ночь, в метель, по заснеженным дорогам выехала на грузовом вездеходном военном крытом грузовике (военная комендатура организовала) в Ростов. Я к тому времени был так измотан переживаниями и бессонными ночами, что самому впору в госпиталь ложиться. Нина, молодец, помогла мне оформить все бумажки, и мы повезли гроб в Краснодар. Это было 26—27 декабря. Все дороги замело снегом, метель, машины не ходят. Но на вездеходе мы добрались.

Вот это женщина!

1981
SILAMAE

Тётя Нина в 60 лет

Сын тёти Нины женился на финке (кстати, как и некоторые мои родственники по маминской линии) и во время так называемой «Перестройки» уехал с женой в Финляндию в Хельсинки к её родственникам. Я знаю, что Нина тоже туда ездила. Но осталась ли она там или вернулась в Россию, я не знаю.

Всегда вспоминаю Нину и всех людей из деревни Никифорцево с теплотой и чувством гордости.

Был у отца ещё двоюродный брат, тоже Егоров и тоже Николай, из той же деревни. Они мальчишками хорошо дружили. Но примерно с 1939 года ничего друг о друге не знали. Этот брат был года на три младше отца. В 1982-м году отец отдыхал в Сочи в военном санатории имени Ворошилова. Там произошла такая встреча.

Отец прогуливался по аллеям санатория, когда к нему подошла незнакомая женщина лет 55-ти и говорит:

– Мужчина, вы меня извините, хочу вас спросить: вы случайно не Коля Егоров?

– Да, я Егоров... а вы кто?

– А я жена вашего двоюродного брата Николая. Я тоже из деревни Никифорцево, но вы меня вряд ли помните. Вы тогда с моим мужем уже взрослые были, а я ещё маленькая была.

– А где ваш муж?

– Да вон он стоит! Мы когда мимо вас прошли, я вас узнала (через 40 с лишним лет!). Сказала мужу, а он говорит, что не может этого быть, ты, мол, ошиблась.

Подошёл брат Коля. Обнялись после долгой разлуки, стали расспрашивать друг друга, что случилось за эти годы. Вкратце, с братом Колей дело обстояло так.

С началом войны в 1941 году его призвали в армию рядовым. С тех пор он постоянно воюет. В перерывах между войнами получил высшее военное образование, генерал-майор, Герой Советского Союза, Герой Кубы. С 41-го года получил 18 ранений! Много лет работает военным советником на Кубе у Фиделя Кастро. Считается его личным другом. В настоящее время (1982 год) воюет в составе контингента кубинских войск, посланного Фиделем на помощь в Конго для борьбы с агрессией из ЮАР. Сейчас в отпуске, после чего возвращается на Кубу, а оттуда опять в Африку. Но, видимо, это будет последний, как он выразился, «сезон», так как уже 61 год и пора немного отдохнуть. Вот такие мужики были из этой деревни.

Вот это практически всё, что я знаю о родственниках по отцовской линии.

Глава 2

По маминой линии дело обстоит сложнее. Мама в разговорах всегда уклонялась от этой темы. Кое-что слышал от неё о бабушке (моём прадеде). Андрей Егорович Кособрюхов родился, жил и был похоронен в городе Холм (Новгородская область, тот же Валдай).

Я в своё время поинтересовался, откуда такая странная фамилия. Оказывается, в старину «кособрюхими» называли плотников, потому что профессиональные плотники никогда не расставались с плотницким топором. Такую же привычку имели и финские лесорубы. Они везде, даже не на работе, ходили с топором за поясом. Это был своего рода фирменный знак этой профессии. Зимой же, когда поверх кафтана надевался полушубок, топор, скрытый полушубком, визуально несколько искривлял стройную линию плотницкого живота – поэтому в народе их прозвали «кособрюхими». Видимо, кто-то из предков был плотником.

До 30 лет я почти ничего не знал о маминых родителях, тем более дедах и бабках. Но один раз при встрече в Краснодаре отец подробно рассказал мне про один удивительный случай, когда он узнал всё о маминой родне.

В начале 50-х годов отца (он тогда был подполковником) перевели с Урала в Москву в Генеральный Штаб. Там в то время служили только боевые офицеры, прошедшие войну. Они безоговорочно доверяли друг другу. Такой замкнутый, недоступный для посторонних, круг военной элиты. Доносительство среди офицеров-генштабистов каралось смертью.

Однажды за столом в любимом ресторане «Пекин» офицеры-генштабисты заговорили о предвоенных сталинских репрессиях. И отец пожаловался своему начальнику отдела, генералу, что его в 39-м году в Холме по непонятной причине несколько раз вызывали на допрос в городской отдел НКВД и интересовались, что он знает о родственниках своей жены Валентины. Отец ничего не знал, но его продолжали вызывать на допросы. И это длилось несколько месяцев, пока он добровольцем не ушёл в военное училище.

Генерал сказал, что он выяснит в чём дело. Дело было ещё при Сталине.

Прошло несколько месяцев. Однажды в конце дня, когда опечатывались все сейфы и кабинеты до утра, генерал, начальник их отдела, позвал отца в свой кабинет. Вытащил из сейфа толстую папку, дал отцу и сказал, что по его запросу наш родной НКВД под руководством тов. Берия провёл большую и успешную работу по сбору всех возможных сведений о родственниках подполковника Егорова по линии жены. «Вот тебе папка, ключи от кабинета, ключ от сейфа и бутылка коньяка, чтобы запивать особенно горькие моменты истории. Записей никаких вести нельзя, запоминай – память у тебя генштабистская. Утром закроешь папку в сейф и, пока я жив, никому о ней ни слова, особенно жене».

Отец за ночь досконально изучил секретную папку и сделал для себя удивительное открытие: оказывается, его жена Валя с одной стороны является дочерью Холмского дворянина Николая Алексеевича Шеляпина, а по линии матери она внучка холмского миллионера, купца второй гильдии, Андрея Егоровича Кособрюхова. Отец мне рассказал, что в этой секретной папке было множество документов про купца Андрея: свидетельство о присвоении ему звания купца 2-й гильдии, дипломы лощмана, договора на поставку товаров, договора на перевозку зерна и других грузов по внутренним российским рекам, накладные, фотографии зданий, где были его конторы, а в конце была его биография, составленная органами НКВД, и даже фотография его могилы в Холме. Умер он от инфаркта в 1918 году. Ему было 40 лет.

Отец рассказывал мне это и добавлял, что он просто восхищается этим человеком. Этот Андрей начал работать на речных судах простым матросом-рулевым. Потом стал лощманом, проводил грузовые пароходы и буксиры с баржами по Волге. Потом каким-то образом организовал своё дело, стал закупать товары в южных районах России, перевозить их по Волге и по её притокам в северные города, вплоть до Холма. Андрей был хорошо образован, а тогда

это много значило. Да и законы, как мне рассказал отец, при царе были такие, что любой грамотный, честный и предприимчивый человек мог развить свой бизнес. Уже тогда отец хорошо понимал, что при царе государственная политика была правильная.

Андрей быстро разбогател. В основных портовых городах на Волге он построил однотипные двухэтажные дома-конторы: в Нижнем Новгороде, в Самаре, в Царицыне, в Саратове. В этих домах на первом этаже помещалась купеческая контора со служащими, а на втором этаже была гостиница для приезжих клиентов и поставщиков товара.

Его дочь Мария, моя бабка по матери, вышла замуж за дворянина Николая Шеляпина, который служил в Холме делопроизводителем при уездном градоначальнике (так это, кажется, называлось). Причём Андрей Кособрюхов был против этого брака, потому что Шеляпин хоть и был дворянином, но не был богатым и жил только на своё жалование. Но Мария всё-таки настояла на своём и вышла за него замуж.

Я как-то попробовал найти в интернете что-нибудь о деде Шеляпине. И в 2008 году кое-что обнаружил. Был в своё время такой проект: «Памятные книги губерний Российской Империи». Авторы проекта Антон Вальдин и Алексей Коноплёв. Памятные книги – источник, в котором переписывались при царе все наиболее значимые чиновники и прочие гражданские лица, имеющие определённое положение в обществе (surname.litera.ru/about.asp). Там под номером 223024 есть запись «Шеляпин Николай Алексей, Памятная книга Новгородской губернии. 1914». Это он.

Всё было хорошо до 1917 года. Потом произошла наша знаменитая социалистическая революция, которая, как предполагалось, должна была принести счастье и свободу трудовому народу. Банковская система рухнула, а с ней и весь бизнес. Андрей успел юридически передать некоторым своим детям часть недвижимости (Марии ничего не досталось) и умер в 1918 в возрасте 40 лет от сердечного приступа.

В 1991 году я по делам своей фирмы был в Москве в Московском институте инженеров водного транспорта. Хотел взять у них в тайм-чартер (в аренду) учебное судно типа река-море, которое простаивало из-за общего развала в стране в результате «Перестройки» (похоже на 1918-й год!). В беседе с ректором института упомянул своего прадеда по фамилии Кособрюхов. Ректор остановил меня и сказал, что он припоминает эту фамилию. Вроде бы она встречалась ему в старом учебнике по истории российского речного флота. Потом что-то вспомнил и повёл меня в музей речного флота, который был при институте. И показал мне висящую на стене фотографию, если не ошибаюсь, 1908 года. Там были сфотографированы группой лучшие капитаны и лоцмана волжского речного бассейна. Под фотографией имена и фамилии, в том числе и Андрей Кособрюхов. Ректор начал отсчитывать этих людей слева направо согласно списку. А я только глянул и сразу понял где мой прадед: среднего роста стройный молодой человек с усиками в лоцманской фуражке, лицом и фигурой удивительно похожий на моего старшего брата Лёву в молодости.

Очень жалею, что не попросил тогда ректора сделать с этой фотографии ксерокопию. А может быть у них тогда и ксерокса не было.

Уже в этом, 2021 году отыскал в интернете сайт под названием «АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ И ФИРМЪ купцовъ, промышленниковъ, торгово-промышленныхъ обществъ и товариществъ». Там в столбце отделов «Фабрики и заводы» и «Торговые предприятия» напечатано под номером 2000 следующее:

«Кособрюхов Андрей Егорович, г. Холм, ул. Псковская, сб. д. (собственный дом). Вид. деят. «Колониальные и гастрономические товары и фрукты».

Там же, кстати, указан *Кособрюхов Иван Егорович, г. Холм, ул. Ловатская, сб. д.* (видимо, брат Андрея).

Потом указан какой-то Кукин Иван Петрович, а затем, что очень интересно:

Шеляпин Пётр Петрович, г. Холм, ул. Троицкая, сб. д. (я так думаю, родственник моего деда Шеляпина Николая).

Больше в этом городе при царе предпринимателей не было.

Ну и в заключение должен сказать, что в «Книге памяти жертв политических репрессий Новгородской области» перечислено 18 (!) человек из города Холма с фамилией Кособрюхов, которые были репрессированы. Андрей Кособрюхов к тому времени умер сам, ему повезло.

Ещё раз, спасибо товарищу Берия и особенно товарищу Сталину за наше счастливое детство.

Итак, моя бабка Мария Кособоюхова вышла замуж за моего деда Николая Шеляпина. Дед закончил в своё время гимназию, это по тем временам было очень хорошее образование. Служил на царской службе чиновником в Холме. Поэтому у него был казённый дом, экипаж, кучер, лошади и всё такое. В Ленинграде у тёти Зины, когда я учился в морском училище, видел старую фотографию, примерно 1909 или 1910 года. На ней были ещё молодые и счастливые дед с бабкой, на руках маленькая девочка – первая их дочка Зина (мамина старшая сестра). Потом у них до 1918 года родилось ещё несколько детей, всего их было семеро. В живых осталось только пятеро. Двое детей умерли от голода в 1930 году. Оставшиеся в живых по старшинству: Зина, Николай, Александр, Люба и моя мама Валентина 1918 года рождения.

В гражданской войне Николай Шеляпин участия не принимал и эмигрировать тоже не собирался. Хотя его более богатая родня, которая владела лесопилками и хорошими домами, поняли, что из России надо тикать. Добровольно посдавали своё имущество Советской Власти под детские дома и школы, забрали ценные вещи и потихоньку, без лишнего шума переехали разными путями во Францию. Благо все говорили по французски. В контрреволюцию никто не пошёл. А Николай Шеляпин остался.

В 1920 году весной его призвали в Красную Армию. И стал он кавалеристом в армии Будённого. В этом же году эта армия под общим командованием Тухачевского устремилась в сабельный поход на Варшаву. Но к концу лета того же года потерпела сокрушительное поражение от поляков. Много русских там погибло, никто их не считал. И дед Шеляпин тоже сгинул в Польше. Долгое время его считали погибшим. Но оказалось, что он жив. Выручило его, как я думаю, знание польского языка. Дело в том, что его отец и дед по отцу оба были женаты на польках и дома для практики часто говорили на польском языке. То есть, мой дед Николай был на три четверти поляком.

После разгрома армии деда с лёгким ранением подобрала какая-то польская молодуха и спрятала у себя на хуторе. Видимо, решила что молодой красноармеец в хозяйстве пригодится. Что там у них было, я в подробностях не знаю. Знаю только, что звали эту польку тоже Марией, что у них родилось двое детей, мальчик и девочка. И эта польская Мария умерла примерно в 31-м году от воспаления лёгких. Николай остался с двумя детьми на руках и без жены. И вот тут он совершил, я считаю, геройский поступок. Не знаю уж каким путём, но он сделал себе новые советские документы и со своим двумя маленькими детьми, нелегально перейдя границу, снова появился в Холме.

К этому времени старший брат моей мамы, Николай, был уже почти взрослым и содержал всю семью. Жили они очень трудно. В 20-м году, после того как дед пропал в Польше, их выселили из шеляпинского дома. Точнее, оставили им там одну комнату на всех. В их доме поместили Холмский исполком горсовета. Бабушка, ей тогда было немного за тридцать, работала в этом исполкоме уборщицей за мизерную плату и исполкомовский паёк. Носила красный пролетарский платок и всячески отрицала своё непролетарское происхождение. Только иногда, когда они с моей мамой проходили по улице Псковской, бабушка показывала маленькой Вале большой двухэтажный каменный дом своего отца и говорила, что когда-то давно жила в этом доме. Когда была молодой девушкой, здесь устраивались балы. Приходили в гости молодые кавалеры, они танцевали с ней и угощали красивыми конфетами из разноцветных коробок.

Город Холм до революции. Улица Псковская, где был дом Андрея Кособрюхова

Понятно, что бабке Марии с семерыми маленькими детишками пришлось пережить за те годы, пока не было мужа. Двое маленьких просто умерли от голода. Старший сын Коля чуть ли не с 12 лет стал работать, чтобы остальные выжили. Был сначала учеником столяра, потом столяром-краснодеревщиком.

Когда внезапно появился отец с двумя маленькими детьми, Николай-младший был категорически против его возвращения в семью. Его можно понять. Десять тяжелейших лет на грани выживания не прошли для детей и их матери просто так.

Город Холм, паром через реку Ловать

Дед Шаляпин уехал со своим детишками в Старую Русу, это совсем недалеко от Холма. Устроился там бухгалтером на лесопильном заводе. Я знаю от своего старшего двоюродного брата Володи Шеляпина, что у деда было много родственников Шеляпиных. Все они были помещиками, жили в Новгородской и Тверской губерниях, многие из них занимались торговлей лесом, имели лесные угодья и лесопильные заводы. У моего деда не было поместий, он не был богатым, поэтому он не иммигрировал, как все его родственники, а остался в Холме. Думаю, что работа лесопильного завода была немного знакома моему деду, и это помогло ему устроиться бухгалтером в Старой Русе. К тому же он был человеком очень грамотным, тогда таких было единицы.

Бабушка Мария была не прочь бы сойтись со своим мужем. Она два раза ездила к нему в Старую Русу и брала с собой 12-летнюю дочку Валю (мою маму). Мама это хорошо помнила и рассказывала мне, что очень стеснялась своего отца: когда он пытался с ней говорить, пряталась за мать.

В конце концов, брат Коля немного успокоился, бабка с дедом договорились, что они будут жить вместе в Старой Русе, потому что в Холме деду появляться было опасно: его могли опознать. Тогда уже начались репрессии против бывших дворян и царских чиновников. Но восстановить семью было не суждено. Следующей встречи уже не получилось. Дед заболел воспалением лёгких и умер. Было ему тогда чуть больше сорока. Дети его польские попали в детский дом.

Так бабушка Мария опять, во второй раз, стала вдовой одного и того же мужа.

Ближе к войне жить стало немного легче: старшая Зина вышла замуж и помогала чем могла. Николай стал мастером-краснодеревщиком, моя мама тоже вышла замуж за моего отца. Вроде жизнь налаживалась, но это длилось недолго. Отец мой вынужден был уйти добровольцем в военное училище в 1939 году (это отдельная история) и встретился со своей женой только через три года на фронте.

22 июня 1941 года началась война. Немцы в начале войны наступали очень быстро. Да и польская граница была совсем недалеко от Холма. Мама рассказывала, что прошло буквально несколько дней – и через Холм пошёл поток беженцев с западных районов на восток.

Мать не знала что делать. На руках у неё был маленький ребёнок (мой сводный брат Виталька пяти лет), да и свою мать она не решалась бросить. Старшие братья Николай и Александр уже были призваны в армию. Сестра Зина жила в Ленинграде. А медлить было нельзя, ещё день-два – и немцы займут Холм.

Выручил, как всегда, товарищ Сталин. В те дни он отдал приказ в обязательном порядке эвакуировать из прифронтовых районов, которые могли оказаться под немцами, всех жён офицеров и их детей. Причём родителей и других родственников это не касалось. Это, конечно, было правильное решение, если вдуматься.

Однажды утром к их дому подъехал грузовик. В нём уже сидели несколько женщин с детьми. Из кабины выпрыгнул офицер и приказал, чтобы мать быстро собрала самые необходимые вещи, документы, продукты на пару дней и садилась с сыном в машину. На всё три минуты. Мама попробовала взять с собой бабушку Марию, но офицер категорически отказался. Мама быстро собралась, офицер закинул вещи и Виталика в кузов грузовика. Валя попрощалась наскоро со своей мамой, сказала, что будет пробираться в Ленинград к сестре Зине. И они расстались, как оказалось, навсегда.

Дальнейшая судьба моей бабушки неизвестна. Город Холм оказался в центре боевых действий, несколько раз переходил из рук в руки. И это длилось очень долго, больше года. Немцы даже прозвали этот город «Снежной крепостью Гитлера». За время боёв от города практически ничего не осталось. Все жители, которые не успели уйти, погибли. Ни одного живого человека и ни одного дома. Ни одного дерева на прибрежном бульваре. Мама после войны ездила в Холм, пыталась навести справки о своей матери, но никаких следов не нашла. Даже могил погибших жителей не было. И спросить было не у кого, ни одного живого свидетеля. Мама с трудом нашла то место, где стоял их дом. Бабушке тогда было чуть больше пятидесяти лет. Не сохранилось ни одной фотографии, кроме той, что была сделана в Ленинграде. Это была первая потеря в нашей семье в ту войну, но не последняя. Война прошла по стране как ураган, потери были настолько огромны, что мы чувствуем последствия до сих пор.

К примеру, скажу, что в Холмском уезде перед революцией в 1901 году жителей числилось 90 593 человека. В том числе в Холме (известен как город с 1471 года) почти 7 тысяч человек. По тем временам это был большой город. В 2020 году, через 75 лет после войны, там живёт всего 3359 человек. Статус города за Холмом сохраняется только из соображений исторической справедливости.

Глава 3

Отец мой, Егоров Николай Алексеевич, родился 22 октября 1918 года в той же деревне Никифорцево. Закончил в 1933 году 7 классов в школе-интернате в Бежецке. По тем временам для крестьянского парня уже это было равносильно подвигу и считалось очень хорошим образованием. После этого он поступил в медицинский техникум в том же Бежецке. Не потому, что имел большую склонность к медицине (это пришло позже), а потому, что больше учиться нигде было. Ехать в какой-то дальний город возможности не было. Время было тяжёлое и голодное. Отец рассказывал, что каждую субботу он сбегал из техникума с последних уроков, становился на лыжи и бежал по лесу и полям около 40 километров до дома в деревне. Благо в те времена снег на Валдае лежал с начала октября до конца мая. Прибегал поздно вечером, уже затемно. Мать его кормила. Спал всю ночь до обеда. Опять ел. Брал с собой кое-что из еды в котомку, становился на лыжи и обратно 40 километров до Бежецка. Видать, здоровье было хорошее. Из современных пацанов кто-нибудь такое выдержал бы?

Город Бежецк до революции

Учили их в медтехникуме, я думаю, очень хорошо. Отец до конца жизни прекрасно разбирался в медицине, причём во всех её областях. Свободно владел медицинской латынью. Это ему в жизни часто помогало.

В июне 1936 года в неполные 18 лет он закончил техникум и работал некоторое время фельдшером в сельской больнице в селе Любегоши, а затем – заведующим амбулаторией в сельской больнице в селе Вауч Весьегонского района Калининский (Тверской) области. Принимал роды, дёргал зубы, сам делал несложные операции.

Работал, видимо, хорошо, потому, что в декабре 1937 года, когда ему было только 19 лет, Калининский облздравотдел командировал его в Ленинградский институт усовершенствования врачей на полугодовые курсы организаторов здравоохранения. Интересно, что здание

этого института находилось (и сейчас находится) на Заневском проспекте 3, рядом со зданием моего морского училища им. Макарова на Заневском 5 – там мы жили и учились, начиная с третьего курса.

Отец рассказывал об одном интересном случае, произошедшем с ним в то время в Ленинграде. Как-то в выходной день решил он пойти посмотреть на колыбель нашей Великой Социалистической Революции – Смольный, где располагался Ленинградский обком партии ВКПб, а в октябре 1917-го года был штаб Ленина и Троцкого. Подошёл отец к решётке и воротам Смольного, несколько минут стоял и любовался историческим зданием, где работал сам Ленин. Это не ускользнуло от внимания бдительных охранников из органов НКВД. Отца тут же арестовали и в «воронке» отвезли на дознание в ЧК. Сутки допрашивали, выясняли, а не является ли он пособником империализма и английским шпионом, посланным с целью взорвать цитадель пролетарской революции. Отец настаивал, что он простой советский фельдшер, безмерно предан делу мирового пролетариата и примкнувшего к нему беднейшего крестьянства. На следующий день, в понедельник, чекисты привезли его в институт, предъявили в учебную часть на опознание и отпустили. Этот случай научил папу, что в свободной Советской России, где жизнь привольна, широка и с каждым днём всё радостнее жить, нужно вести себя немного осторожнее.

В это же время, после техникума, отец женился в первый раз. Тогда люди вообще рано заводили семьи. Жизнь была настолько тяжёлой, что выжить в одиночку было очень трудно. Подробностей о первой его жене почти никаких не знаю. Отец сказал мне об этом только один раз. Видно было, что он с большим трудом заставил себя рассказать мне кое-что об этом.

Поначалу всё было как у всех: любовь, ухаживания, счастье и всё такое. У них родился мальчик. Но оказалось, что мать этой девушки – потомственная шизофреничка и находится в сумасшедшем доме. Отец этого не знал.

Девушка была сначала совершенно нормальным человеком, и отец даже ни о чём не подозревал. Но после родов болезнь резко проявилась: случилось буйное помешательство и она сошла с ума. Отцу было 18 лет, он, конечно, любил её. Но ему пришлось самому отвезти её в сумасшедший дом. Потом она несколько раз сбегала оттуда и пыталась убить отца. Малыш, который у них родился, остался в больнице, где работал отец. Когда мальчику было несколько месяцев, он вдруг умер без всякой видимой причины. Надо сказать, что детская смертность в то время была очень высокая и смерть младенца, конечно, огорчила, но никого особенно не удивила.

Но оказалось, что умер мальчик не просто так. Через много лет, уже после войны, отец случайно на каком-то вокзале встретил старую медсестру, которая работала у него в той больнице. Эта медсестра получила медицинское образование ещё до революции и разбиралась в вопросах медицины лучше многих врачей. Она призналась отцу, что по каким-то признакам поняла, что мальчик унаследовал болезнь. Она без ведома отца сделала мальчику инъекцию большой дозы морфия, и мальчик умер.

Старая медсестра плакала и просила прощения у отца. Этот грех (или не грех?) мучил её все эти годы. Она была рада рассказать об этом отцу и облегчить тем свою душу. Отец не стал её упрекать, успокоил и сказал, что время было такое тяжёлое, что, может быть, это был лучший выход для всех. К тому же, пройдя войну, Сталинград, повидав столько смертей, сам оставшись чудом в живых, он уже по-другому смотрел на вопрос жизни и смерти. А те довоенные события вспоминались как очень давно минувшее прошлое.

Отцу было далеко за пятьдесят, когда он рассказывал мне об этом. С виду он при этом оставался спокойным, но в глазах стояли слёзы.

В 1938 году, после окончания курсов в Институте усовершенствования врачей, отца в неполные 20 лет назначили заведующим райздравотделом в городе Холм. Сейчас такое кажется невероятным, но он справлялся со своей работой и, видимо, очень неплохо. В том же

году в Российской Федерации состоялся конкурс на лучшее состояние профилактической работы среди районных отделов здравоохранения – и отец оказался лучшим. Сам «всенародный староста» Михаил Иванович Калинин наградил отца почётной грамотой, личным служебным автомобилем марки «Форд» и выделил ставку зарплаты для личного водителя. А в то время автомобиль вообще был редкостью. Полтора года проработал отец на этой должности.

Там, в Холме, отец познакомился с моей мамой. У неё уже был ребёнок от первого брака (мой старший брат Виталий). О её первом муже знаю только, что он был много старше её. Из «бывших». Промышлял тем, что с сообщниками играл в карты в пассажирских поездах. Короче, карточный шулер. Но говорят, что он был очень красивым мужчиной. Как-то раз он играл в городском притоне несколько суток. Старший мамин брат Николай, потеряв терпение, явился туда и потребовал объяснений. Этот «бывший» что-то грубо ему сказал. Тогда Николай пошёл к нему домой и забрал свою сестру Валю с ребёнком к себе. А этот муженёк через некоторое время куда-то канул, и до сих пор его никто не видел.

Как мой отец познакомился с мамой, я точно не знаю. Помню только, он говорил, что мама была очень красивая, и что в местном доме культуры она выступала в любительском театре в оперетте. Очень хорошо пела и танцевала. Может быть, там они и познакомились.

Всего год отец с матерью жили вместе. Отец усыновил маленького Виталика. Всё, казалось, складывалось отлично. Но счастье, как всегда бывает в жизни, длилось недолго. Вскоре им пришлось на годы расстаться. Случилось так, что секретарём райкома комсомола в Холме была молодая незамужняя женщина и, на ту беду, ей очень понравился отец. Но поскольку отец уже встретил Валю и они полюбили друг друга, то, естественно, он ей сделал от ворот поворот.

«Комсомолка» обиделась и попыталась «решить вопрос», как было принято тогда. То есть в духе того времени. Она была из местных и поэтому кое-что знала о дореволюционной жизни этого города. В тиши райкомовского кабинета эта «девушка» стала неторопливо писать в органы НКВД доносы на отца: мол, комсомолец Николай Егоров утратил классовое чутьё, в результате чего женился на дочке дворянина и внучке миллионера. Отец о родственниках мамы ничего не знал и до какого-то дня не подозревал о том, что над ним сгущаются тучи. Надо сказать, что отец дружил и ходил на охоту (а это больше, чем простая дружба) с председателем исполкома, начальником местного отдела НКВД и военкомом. Это были тоже молодые люди, немного постарше отца. Люди, так сказать, одного круга.

В конце 1939 года, глухой декабрьской ночью, в дом постучался посыльный из райисполкома и сказал, что отцу необходимо срочно явиться в исполком к председателю. Отец быстро оделся и пошёл.

Далеко за полночь, город спит, полная темнота. Только в исполкоме на втором этаже горит свет в кабинете председателя. Отец зашёл в кабинет. Там трое его друзей: председатель исполкома, военком и начальник городского НКВД. Все хмурые и расстроенные. На столе бутылка водки, закуска и какие-то бумаги. Сел за стол.

Председатель налил отцу водки и говорит:

– Коля, выпей сначала водки. Разговор будет серьёзный.

Отец выпил и приготовился слушать. Друзья выложили ему на стол доносы комсомолки, которых оказалось не так уж мало, показания людей, из которых было видно непролетарское происхождение его жены. Потом ещё выпили водки. Отец сидел как оглушённый. Такого он совершенно не ожидал.

Начальник отдела НКВД объяснил отцу, что они несколько месяцев как могли прикрывали его с риском для собственной жизни, не давали делу хода. Но вчера узнали, что эта комсомольская мадам не успокоилась и теперь пишет доносы в вышестоящие органы. А это конец. И вот что они придумали: «Времени мало, может быть, считанные часы. Вот тебе анкета и бланк заявления. Ты срочно, сегодня же ночью, идёшь добровольцем по сталинскому призыву в Красную Армию. Вот тебе направление в Проскуровское военное училище в Белой

церкви, вот проездные документы. Тебе час на сборы и прощания. Через час к твоему дому подъедет исполкомовская машина и отвезёт тебя на железнодорожную станцию».

Отец, наконец, всё понял. Он поблагодарил товарищей. Действительно, время было – разгар репрессий, эти ребята здорово рисковали ради своего друга. Попрощались, отец взял документы и пошёл домой прощаться с женой. Через час за ним пришла машина. Отец уехал в училище. Со своей женой они свиделись на несколько минут только весной 1942 года на Северо-Западном фронте.

Мама осталась в Холме. Жена военнослужащего. К ней никаких претензий не было. Она поступила на курсы телеграфистов, научилась азбуке Морзе, работе на телеграфе, печатанию на пишущей машинке и какое-то время до войны работала на городском телеграфе. Жила со своей мамой и маленьким Виталькой.

Виталик, ещё когда ему было около года, заболел полиомиелитом. Валя ездила с ним в Ленинград, лежала с ним в какой-то больнице. Болезнь остановили, но последствия остались. Виталик на всю жизнь сделался хромым.

С декабря 1939 года по июнь 1941 года отец учился в военном училище. Сначала оно называлось Проскуровское (Белоцерковное) стрелково-пулемётное училище Киевского округа. Потом училище перевели в Томск. Оно стало называться Томским училищем Новосибирского округа. Отец много мне рассказывал о том, как их учили на офицеров перед войной. Я запомнил кое-что. В Сибири, в Томске, куда их вскоре перевели, ничего не было готово для курсантов. Казармы не отапливались, пришлось прямо с поезда заниматься хозяйством: заколачивали пустые, без стёкол, окна, делали из пустых железных бочек буржуйки, добывали дрова. Хлеб в столовой так замерзал, что приходилось его пилить на порции пилой.

Учили воевать очень жёстко. У каждого курсанта была своя лошадь, с которой он учился до выпуска. Подъем в 6 утра, час на уход за лошадьё: мыли, вытирали насухо, кормили, убрали конюшню. Лошадь должна быть идеально чистой. Старшина проверял чистоту лошади в любом месте белоснежным платком. После этого сами мылись, брились, завтракали и с 8 утра до вечера, с двухчасовым перерывом на обед, непрерывно занимались: джигитовка, рубка лозы, всякие падения с коня, стрельба на ходу, физупражнения на перекладине, на брусках, прыжки через гимнастического коня. По территории училища ходить шагом было запрещено, только бегом. Прошёл шагом – наряд вне очереди. По воскресеньям в любую погоду праздничный кросс: 12 километров до стрельбища бегом-шагом, первый номер пулеметного расчёта тащит на себе пулемётный ствол (без воды в кожухе) и коробки с патронами, второй номер бежит с пулемётной станиной на плечах (40 кг). Прибежали на стрельбище – несколько секунд на то, чтобы собрать пулемёт, залить в него воду, установить на огневой позиции – и сразу стрельба боевыми патронами по мишеням, поверх голов солдат из учебного полка, которые уже идут в атаку со штыками наперевес.

После такой пробежки, отец вспоминал, не только руки трясутся – ноги и спина тоже. А стрелять приходилось всерьёз. Не дай бог попасть в солдата или не поразить мишень. Но зато какое это было блаженство в перерыве на обед упасть где попало, накрыться собственной шинелью и заснуть на целый час! Такого удовольствия, по его словам, он до этого никогда не испытывал.

Спустя много лет отец при мне иногда смотрел по телевизору соревнования по гимнастике и, когда видел большие обороты на перекладине или упражнения на брусках, говорил снисходительно: «Да это у нас в училище почти все курсанты делали, не снимая сапог». Всю жизнь он хранил кавалерийские шпоры с серебряными колёсиками, которые носил в училище.

В общем, физическая закалка была очень сильная. Это и помогло ему выжить в войну. Он говорил, что к концу войны в живых из их выпуска осталось всего несколько человек.

Одного из его товарищей по училищу, Мишу Грачёва, мы с отцом случайно встретили в Ленинграде в Эрмитаже в 1965 году. Позднее они обменивались письмами. Первое письмо Грачёва я хочу поместить в приложениях к этой книге.

Училище отец закончил 6 июня 1941 года (присвоили звание лейтенанта). Так что у него ещё оставалось целых две недели мирной жизни, которые он провёл частично в Томске, в ожидании назначения, частично в поезде по дороге в Ленинград, где и встретил войну. Жену свою он всё это время не видел. Отпусков в то время не полагалось.

Лейтенант Егоров Н. А. после выпуска из училища. Июнь 1941 года

Воевать отец начал на Карельском перешейке, под Выборгом, командиром пулемётного взвода 201-го мотострелкового полка 21-й танковой дивизии. (Мне, кстати, через 25 лет пришлось побывать именно в тех местах, поэтому я хорошо представляю, как это было.) В первом же бою они были наголову разбиты. Чудом он остался жив, с несколькими бойцами смог выйти в сторону Выборга к своим и избежать окружения. Отец мне подробно об этом рас-

сказывал, но я не буду описывать с его слов боевые действия, потому что меня там самого не было и я как бы не вправе рассказывать о сражении, в котором сам не бывал. Отец мой в 70-х годах сам написал небольшую книжку об этом периоде войны. К тому же в интернете сохранился журнал боевых действий этой дивизии. Я хочу только коснуться моральной стороны этой войны и написать о событиях, которые произошли в моей семье в эти годы.

После разгрома под Выборгом и переформирования отец воевал на Северо-Западном фронте на разных командирских должностях, вплоть до начальника штаба полка. Практически он воевал в тех же местах, где родился и вырос: Старая Руса, Холм, река Ловать, рядом Бежецк и родная деревня. Было за что воевать. Ходил несколько раз в контратаки, дрался врукопашную. Был несколько раз легко ранен, один раз серьёзно контужен, но строя не покидал. Он мне много об этом рассказывал, но писать об этом просто страшно. В наше время просто в голове не укладывается, что человек может через такое пройти, остаться живым и психически нормальным. Отец мне признался, что в своей книге воспоминаний несколько наиболее кровавых эпизодов он не стал описывать, потому что писать об этом и даже читать просто физически невозможно. Воспоминания свои он дописал только до начала боёв за Сталинград. Я однажды спросил отца, почему он не пишет дальше о Сталинграде. Он сказал откровенно: «Ты знаешь, Вовка, я несколько раз начинал, но не смог. Как только вспоминаю подробности того времени, мне плохо становится и слёзы на глазах. Там, в Сталинграде мне, кажется, тогда легче было, чем сейчас, когда вспоминаю. Пусть уж лучше это со мной останется».

Два эпизода, о которых он мне рассказывал несколько раз, я хорошо запомнил. Всё-таки расскажу для примера – чтобы понять, что там было в начале войны. Это случилось в районе Луги летом 41-го года. Отец командовал батальоном. После очередной атаки немцев наших сбили с позиций и отступление превратилось в паническое бегство. Сотни солдат без командиров много часов бежали под обстрелом и бомбёжкой, пока не наступила ночь. С темнотой люди просто попадали от усталости на огромном картофельном поле и заснули. Среди ночи отца растолкал какой-то незнакомый офицер и сказал, что его требует к себе генерал. Отец пошёл с ним и увидел легковую автомашину. Вокруг неё несколько офицеров и, действительно, генерал, который приехал из тыла, видимо, «наводить порядок на фронте». Отца спросили его фамилию. Он был тогда уже старшим лейтенантом. Все разговоры свелись к тому, что на этом участке он оказался старшим по званию. Под страхом расстрела ему было приказано к рассвету организовать из этой беспорядочной толпы солдат боевое подразделение, а утром атаковать немцев и занять какую-то деревушку невдалеке перед ними.

Спорить не приходилось. До утра отец организовал солдат во взводы, назначил старших, заставил всех окопаться. Командирам взводов поставил задачу. Бойцов под его руководством оказалось около 200 человек. Это полноценная пехотная рота.

Утром начало рассветать, отец уже хотел поднимать людей в атаку и броском занять эту деревню. Но у немцев были свои планы. Не дождавшись атаки русских, они сами пошли на наши позиции. Их было тоже около 150—200 человек. Но у них были автоматы, и на ходу они вели такой огонь, что нашим в окопах головы было не поднять. Когда они подошли на бросок гранаты, то есть, метров на 30- 40, отец дал команду – и все оставшиеся в живых бросились на немцев. Половина, конечно, не добежала. Но те, что добежали, уже настолько озверели от ненависти, что потеряли чувство страха и дрались насмерть. Отец рассказывал примерно так:

– Последнее, что я помню – это как я выскочил из своей ячейки с пистолетом в руке и побежал на немцев. В ту же секунду меня как будто огромной палкой ударили по ногам. Перевернулся в воздухе несколько раз и упал. Это немец бросил гранату, и она взорвалась под моими ногами. Я тут же вскочил. Боли не чувствовал. Дальше ничего не помню – сплошное какое-то кровавое пятно перед глазами. Как дрались с немцами – не помню. Когда очнулся, посмотрел вокруг: сам стою весь в крови, сердце выскакивает от перегрузки, в правой руке

пистолет ТТ с откинутым затвором, без единого патрона. В кого стрелял, чья кровь на мне – не помню. Вокруг меня в поле стоят с десятков наших солдат и примерно столько же немцев. Это всё, что осталось в живых от двух рот. Остальные убитыми или тяжело ранеными усеяли поле вокруг. Те, что остались в живых, с минуту молча смотрели друг на друга. Приходили в себя после этого кошмара. Драться или стрелять друг в друга уже не было сил ни физических, ни моральных. Только хватали ртами воздух и с ужасом смотрели на трупы растерзанных солдат. Через минуту мы, также молча, не трогая друг друга, повернулись каждый в свою сторону и побрели в полном изнеможении и безразличии. Немцы к себе, мы, русские, в свои окопы. Помню, один немец шёл и волок свой автомат по земле за ремень. Не было сил наклониться и поднять.

Немного отдышавшись, отец пошёл искать того «полководца», который грозился его расстрелять, а пока назначил командиром. Но не нашёл. С началом атаки генерал испарился вместе с автомобилем и всей своей свитой.

А отец вместе с оставшимися бойцами пошли на восток, искать какую-нибудь часть, чтобы примкнуть к ней. Немцы не преследовали, видимо, зализывали раны.

Вышли в тот же день к реке Ловать. У моста тысячи людей, лошадей и машин пытаются пробиться через мост на ту сторону. Здесь отец увидел какую-то незнакомую медсестру и попросил посмотреть, что у него с ногами. Та взяла скальпель и пинцет и вытащила из его ног несколько осколков, перевязала, и на этом лечение закончилось. Потом ещё несколько мелких осколков за несколько недель вышли сами. Помню, у отца ноги ниже колен были все в белых кружочках разного диаметра – следы от осколков гранаты.

Отец осмотрелся с обстановкой на переправе. Увидел, что какой-то майор пытается навести там порядок и довольно толково организует проход людей через мост. Вдруг откуда ни возьмись через толпу людей на большой скорости подлетает машина с несколькими офицерами. Один из них выскакивает на ходу из машины и с криком «Панику здесь разводите! Расстреляю как предателя!» стреляет несколько раз из ТТ в этого майора. Тут же прыгает в машину – и был таков. Только через минуту до отца дошло, что это были немецкие диверсанты из русских. Они специально блуждали по ближним тылам и поддерживали беспорядок и панику среди отступавших.

Отец понял, что через мост им не перейти. Оставаться же вблизи моста в этой толпе было крайне опасно: в любой момент могли налететь немецкие бомбардировщики – и тогда мало кто спасётся. Он решил со своими бойцами уйти от переправы, подняться выше по течению вдоль берега и попытаться найти брод или какой-то другой способ переплыть реку. Только отошли на пару километров и тут же увидели, что переправу бомбят немцы. Что там происходило – можно представить!

Но и ему с бойцами далеко уйти не удалось. Вскоре показались катящие вдоль берега немецкие мотоциклы. На каждом три солдата и пулемёт.

Делать нечего, побросали винтовки и кинулись через реку вплавь. Немцы на мотоциклах выскочили на высокий берег и стали расстреливать пловущих. Погибли почти все. Выплыли только отец и ещё один солдат. Выползли на берег, а немцы продолжали стрелять через реку. К счастью, на том берегу у самой воды лежал большой валун. Отцу удалось спрятаться за него. Несколько минут валун дымился от попадавших в него пуль, но отца не задело. Он мне потом говорил, что за эти минуты этот камень стал для него родным и потом много лет часто снился по ночам.

Отцу удалось остаться в живых, и даже в тот же день он нашёл свой полк. Вернее, то, что от полка осталось после разгрома. Вот так воевали в начале войны. Потом, ближе к зиме, фронт стабилизировался.

С декабря 1941 года отец воевал начальником штаба 201-го стрелкового полка, 84-й стрелковой дивизии, 11-й армии Северо-Западного фронта. Это в 23 года!

К зиме 41—42 года немцы заметно выдохлись, да и наши пришли в себя. Оказалось, что не так уж плохо мы воюем. С осени 1941 года на Северо-Западном фронте на участке их 84-й дивизии немцы не продвинулись вперёд ни на шаг. Практически всего за три месяца немцев остановили.

С началом 1942 года командование стало требовать от наших войск активных действий, видимо, чтобы немцы не перебросили с этого участка войска на другой фронт. А как воевать, если нет ни тяжёлой артиллерии, ни танков, ни авиации? Бежать в лобовую атаку со штыком на перевес? Это значит просто губить людей, подставлять солдат немцам для расстрела. Отец как начальник штаба полка должен был что-нибудь придумать. И он придумал: сформировать отдельный батальон лыжников, чтобы ночью в метель скрытно, без стрельбы, ворваться в деревню Пеньково и перебить немецкий гарнизон. А эта деревня находилась на какой-то важной высоте, и немцы оттуда сильно досаждали нашей передовой. Ничего не давали делать. Командир полка приказал отцу самому создать и принять под командование этот батальон.

Где-то в ближнем нашем тылу случайно оказалась действующая мебельная фабрика. Отец съездил туда, и через пару дней ему там изготовили лыжи. Несколько десятков пар, по числу бойцов отдельного батальона. С неделю по ночам он уводил этот батальон с позиций в ближний тыл и тренировал бегать на лыжах, отрабатывал различные навыки по захвату населённого пункта, в ночных условиях и без стрельбы.

И вот наступил этот день. Точнее, ночь на Рождество. Всё как планировал отец, так и получилось. В полной темноте, в метель, одетые в белые маскхалаты, они обошли боевое охранение немцев, в полной тишине ворвались в деревню. Пришлось опять драться врукопашную. Немцев перебили, и тактически важная деревня стала нашей. Это позволило скоро всему этому участку фронта продвинуться вперёд на более выгодные позиции.

За такие дела в конце войны давали Героя. Но в начале войны никого не награждали. Да тогда никто о наградах и не думал. За спиной была родная деревня, Москва и Ленинград. Люди шли на смерть и не думали даже, что они герои.

В результате этого боя отцу достались шикарные трофеи: отличный цейсовский командирский бинокль и великолепный немецкий аккордеон (отец хорошо играл на слух). На следующее утро он докладывал командиру полка о результате ночного боя в присутствии комиссара дивизии. Командир полка похвалил его и забрал у него бинокль. А аккордеон отобрал комиссар дивизии со словами «для тебя это слишком жирно будет».

Зима 1941 г. Офицеры 201-го полка. Крайний справа – Егоров Н. А.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.